

И вновь туман над Курилами

На полях недавнего саммита АТЭС Путин встретился с премьером Японии Синдзо Абэ и рассказал затем о переговорах по поводу Курил.

«Мне бы очень не хотелось забегать вперед по вопросу об основной проблеме, которой мы занимаемся, — подготовки и подписания мирного договора. Думаю, что и для России и для Японии отсутствие такого договора — это анахронизм прошлого, который мешает нам двигаться вперед и раз-

виваться», — сказал президент на пресс-конференции.

По словам Путина, «путь к мирному договору непрост». «Наша позиция хорошо известна: то, что касается Курильских островов, — это результат Второй мировой войны, и мы считаем, что на сегодняшний день это суверенная российская территория, закрепленная в международных документах», — подчеркнул Путин.

«Мы знаем позиции японской стороны, которая говорит о четырех островах. Это

все предмет наших переговоров», — добавил он.

Президент подчеркнул, что и Россия, и Япония «хотят заключения мирного договора и ищут пути, как это сделать».

Основой для этого договора могла бы стать реализация крупных совместных проектов, а также решение экономических и гуманитарных вопросов на Курильских островах, сказал Путин.

«На базе чего могла бы быть достигнута договоренность? На базе повышения доверия друг к другу. Один из путей повышения такого

доверия — это расширение сотрудничества», — подчеркнул президент.

По его словам, именно поэтому премьер-министр Японии Синдзо Абэ предложил свою программу расширения деловых и экономических связей. «Это решение экономических и гуманитарных вопросов, хотя пока об этом говорить рано», — добавил Путин.

Туман не рассеивается, скорее, сгущается. В качестве пособия переговорщикам можно предложить добротное исследование авторитетного специалиста.

ЯПОНСКОЕ ФИАСКО

Анатолий КОШКИН

Президент РФ Владимир Путин и министр иностранных дел Сергей Лавров, говоря об отношениях нашей страны с Японией, последнее время нередко вспоминают Советско-японскую совместную декларацию 1956 года. При этом дается понять, что включенное в декларацию согласие 60-летней давности на передачу Японии части Курильских островов сохраняет силу и может быть использовано при поиске разрешения так называемой «территориальной проблемы». Известно, что эту проблему японское правительство упорно навязывает нашей стране, ставя «возвращение» законно входящей в состав России южной части Курильской гряды условием заключения между двумя странами мирного договора. Так как обстоятельства переговоров и подписания в 1956 г. этой декларации известны весьма узкому кругу специалистов, хотелось бы познакомить с ними и широкого читателя.

Курильский вопрос в Сан-Франциско

В сентябре 1951 г. в Сан-Франциско был заключен мирный договор с Японией. Подписывая, а затем ратифицируя этот договор, японское правительство и парламент соглашались с тем, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.», то есть по результатам неудачной для России русско-японской войны.

Современные японские историки и политики расходятся в оценках содержащегося в тексте мирного договора отказа Японии от Южного Сахалина и Курильских островов. Одни требуют отмены этого пункта договора и возвращения всех Курильских островов вплоть до Камчатки. Другие пытаются доказать, что южнокурильские острова (Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан) не входят в понятие «Курильские острова», от которых Япония отказалась в Сан-Франциском договоре. Сторонники последней версии утверждают: «...Не подлежит сомнению, что по Сан-Францискому мирному договору Япония отказалась от южной части Сахалина и Курильских островов. Однако адресат принадлежности этих территорий определен в этом договоре не был... Советский Союз от-

казался подписать Сан-Францисский договор. Следовательно, это государство с юридической точки зрения не имеет права извлекать для себя преимущества из этого договора... Если бы Советский Союз подписал и ратифицировал Сан-Францисский мирный договор, это, вероятно, усилило бы среди государств-участников договора мнение об обоснованности позиции Советского Союза, заключившейся в том, что южная часть Сахалина и Курильские острова принадлежат Советскому Союзу». В действительности же в 1951 г. официально зафиксировав в мирном договоре свой отказ от этих

территорий, Япония еще раз подтвердила свое согласие с условиями безоговорочной капитуляции, оговорив лишь право претендовать на острова Хабомаи и Шикотан.

Нежелание США признавать КНР и пригласить ее делегацию на мирную конференцию, как и отказ Вашингтона указать в тексте договора, что отказ от Куриль-

ских островов произошел в пользу Советского Союза, не позволили Москве подписать мирный договор с Японией. Занятая в Сан-Франциско позиция подчас и в нашей стране трактуется как ошибка И. Сталина, проявление негибкости его дипломатии, ослабившие позиции СССР в отстаивании прав на владение Южным Сахалином и Курильскими островами. На наш взгляд, подобные оценки свидетельствуют о недостаточном учете специфики тогдашней международной обстановки. Мир вступил в длительный период холодной войны, которая, как показала война в Корее, в любой момент могла перерасти в «горячую». Для Сталина в тот период отношения со своим военным союзником — Китаем, были важнее отношений с окончательно перешедшей на сторону США Японией. К тому же, как показали последовавшие события, подпись СССР под предложенным американцами текстом мирного договора не гарантировала безоговорочное признание Японией суверенитета Советского Союза над Курильскими островами. Добиваться этого предстояло на прямых советско-японских переговорах.

Заключение сразу после подписания Сан-Францисского договора военного союза между Японией и США серьезно затруднило послевоенное советско-японское урегулирование. В обстановке холодной войны в стране усиливалась антисоветская пропаганда. Советский Союз вновь стал рассматриваться Токио как потенциальный военный противник. Однако японские правящие круги считали, что отсутствие нормальных отношений со столь крупным и влиятельным государством, как СССР, не позволяет вернуть страну в мировое сообщество, препятствует взаимовыгодной торговле,

Можно не сомневаться, что Вашингтон будет контролировать заявленное Синдзо Абэ сближение Японии с Россией, соизмеряя его со своими интересами.

обрекает Японию на жесткую привязку к США, серьезно ограничивает самостоятельность внешней политики. Без нормализации отношений с СССР трудно было рассчитывать на вступление Японии в ООН, установление дипломатических отношений с социалистическими странами, в первую очередь с КНР.

Отсутствие дипломатических отношений с Японией не отвечало интересам и Советского Союза. Ибо не позволяло налаживать торговлю с быстро восстанавливавшим экономическую мощь дальневосточным соседом, затрудняло сотрудничество в столь важной для обеих стран отрасли экономики как рыболовство, препятствовало контактам с японскими демократическими организациями и, как следствие этого, способствовало все большему вовлечению Японии в антисоветскую политическую и военную стратегию США.

В значительной степени благодаря поддержке набиравшего силу движения за восстановление отношений с СССР на парламентских выборах осенью 1954 г. победила Демократическая партия во главе с Итиро Хатоямой. Этот политик с националистическими позициями выступал за переход Японии к новому внешнеполитическому курсу. В своей программной речи в парламенте в качестве премьер-министра страны Хатояма заявил: «Я уверен, что мы все вздохнем с облегчением и наша страна получит новые возможности для процветания, когда будут установлены связи с Советским Союзом, Китаем и другими странами, с которыми у нас нет еще дипломатических отношений, когда разовьется наша торговля с ними, когда между нами будут установлены отношения не вражды, а мирного сотрудничества, когда будет налажен обмен взаимно необходимыми товарами, когда, наконец, будут установлены между нашими странами отношения мира... Я ни на минуту не сомневаюсь, что здесь и только здесь лежит столбовая дорога к всеобщему миру».

В январе 1955 г. премьер-министр Японии выразил готовность проявить инициативу в вопросе прекращения состояния войны с Советским Союзом и восстановления дипломатических и торгово-экономических отношений. Однако не все в кабинете Хатоямы соглашались на кардинальное улучшение отношений с СССР. Промемерикански настроенная группировка во главе с министром иностранных дел Мамору Сигэмицу была против полномасштабных переговоров с советским правительством и скорейшего восстановления дипломатических отношений.

В создавшейся обстановке советское правительство сочло своевременным внести предложение о начале прямых советско-японских переговоров. В начале 1955 г. представитель СССР в Японии обратился с таким предложением к министру иностранных дел Сигэмицу. Однако министр уклонился от переговоров. Тогда 25 января по поручению Москвы лично Хатояме было сообщено, что «советская сторона полагает целесообразным обменяться мнениями по вопросу о возможных шагах, направленных за эти годы, и нормализации советско-японских отношений». Была выражена готовность назначить представителей для переговоров, которые можно было бы провести в Москве или Токио.

По законам торга

После продолжительных дебатов о месте проведения встречи дипломатов двух стран был достигнут компромисс — полномочные делегации должны были прибыть в Лондон. 3 июня в здании посольства СССР в английской столице начались советско-японские переговоры о прекращении состояния войны, заключении мирного договора и восстановлении дипломатических и торговых отношений. Советскую делегацию возглавлял известный дипломат Яков Малик, в годы войны являвшийся послом СССР в Японии, а затем в ранге заместителя министра иностранных дел представителем Советского Союза в ООН. С 1953 по 1960 г. он представлял СССР в Великобритании. Во главе японской правительственной делегации был близкий к премьер-министру Хатояме японский дипломат в ранге посла Сюнъити Мацумото. В своей вступительной речи глава японской делегации отметил, что «прошло почти 10 лет с того дня, когда, к сожалению, между обоими государствами возникло состояние войны. Японский народ от души желает разрешения ряда открытых вопросов, возникших за эти годы, и нормализации отношений между обоими государствами». На следующей встрече Мацумото зачитал меморандум, который японская сторона предлагала положить в основу предстоящих переговоров. В этом меморандуме МИД Японии выдвигались следующие условия восстановления отношений между обоими странами: передача Японии Курильских островов и Южного Сахалина, возвращение на родину осужденных в Советском Союзе японских военных преступников и положительное разрешение вопросов, связанных с японским рыболовством в северо-западной части Тихого океана, а также содействие приему Японии в ООН и др. При этом японская сторона не скрывала, что основной упор в ходе перегово-

ров будет делаться на «разрешении территориальной проблемы».

Позиция Советского Союза состояла в том, чтобы, подтвердив уже состоявшиеся итоги войны, создать условия для всестороннего взаимовыгодного развития двусторонних отношений во всех областях. Об этом свидетельствовал предложенный 14 июня 1955 г. советской делегацией проект советско-японского мирного договора. Он предусматривал прекращение состояния войны между обоими странами и восстановление между ними официальных отношений на основе равенства, взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, невмешательства во внутренние дела и ненападения; подтверждал и конкретизировал действующие международные соглашения в отношении Японии, подписанные союзниками во время Второй мировой войны. В проекте предусматривались последующие переговоры сторон о заключении отдельных договоров и конвенций о торговле и мореплавании, рыболовстве, культурном сотрудничестве, консульских отношениях и по другим практическим вопросам советско-японского сотрудничества. Советский Союз отказывался от репарационных претензий к Японии и обязался поддержать ее просьбу о приеме в ООН.

Соглашалось советское правительство рассмотреть и просьбу о досрочном освобождении и репатриации осужденных в СССР японских военных преступников. Таким образом, Советский Союз, проявляя добрую волю, шел на удовлетворение практически всех просьб и пожеланий японской стороны. Камнем преткновения оставался лишь вопрос о необоснованных территориальных претензиях японского правительства. Этот вопрос требует особого рассмотрения.

Как указывалось выше, в Сан-Францисском мирном договоре японское правительство официально отказалось от Южного Сахалина и Курильских островов. Однако впоследствии, ссылаясь на то, что СССР не подписал этот договор и в договоре не указано, в чью пользу произошел отказ, появились утверждения об отсутствии окончательного решения о принадлежности этих территорий. Однако обязательность для Японии предусматривавшего переход Южного Сахалина и Курильских островов к Советскому Союзу Ялтинского соглашения вытекает из Сан-Францисского договора, в котором зафиксировано, что Япония признает все решения и все договоры союзников периода Второй мировой войны, а следовательно, и Ялтинского соглашения. Неправомерными являются и утверждения о «незаконной аннексии» этих территорий, ибо в Каирской и Потсдамской декларациях, а затем и в Сан-Францисском договоре подтверждался принцип международного права о возможности ограничения территориального суверенитета государства-агрессора в качестве меры наказания за осуществленную агрессию.

Видимо, понимая это, представлявший Японию на Сан-Францисской конференции премьер-министр Сигэру Ёсида, в своей речи высказал претензии своей страны только на острова Хабомаи и Шикотан, выделив их из Курильской гряды. Проблема трактовки географического понятия «Курильские острова» возникла при ратификации Сан-Францисского договора в парламенте Японии. От имени японского правительства разъяснения депутатам давал ведущий договорным департаментом МИД Японии Кумао Нисимура. 6 октября 1951 г. он сделал в палате представителей парламента следующее заявление: «Поскольку Японии пришлось отказать от суверенитета на Курильские острова, она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешенным». Еще более определенно позиция японского МИД, а значит, правительства, была сформулирована Нисимурой 19 октября 1951 г. на заседании специального комитета по вопросу ратификации Сан-Францисского мирного договора палаты представителей японского парламента, когда он заявил: «Территориальные пределы архипелага Тисима (Курильских островов), о которых говорится в договоре, включают в себя как Северные Тисима, так и Южные Тисима». Таким образом, при ратификации японским парламентом Сан-Францисского мирного договора высший законодательный орган Японского государства констатировал факт отказа Японии от всех островов Курильской гряды.

Хатояма признавал решения Ялты

После ратификации Сан-Францисского мирного договора в политическом мире Японии существовал консенсус по поводу того, что территориальные претензии к СССР следует ограничить лишь двумя островами, а именно Хабомаи и Шикотаном. Это было зафиксировано, например, в совместной парламентской резолюции всех политических партий Японии от 31 июля 1952 года. В резо-

люции перед правительством страны ставилась задача добиваться возвращения оккупированных Соединенными Штатами Окинавы, островов Огасавара, Амамиосима, а также островов Хабомаи и Шикотан. Правительство Японии было согласно с мнением парламентариев. Премьер-министр Ёсида, как отмечалось, настаивал на том, чтобы только острова Хабомаи и Шикотан не причислялись к Курильским островам, от прав на которые Япония отказывалась.

В Лондоне же японская делегация, выполняя директиву правительства, предъявила претензии на «острова Хабомаи, Шикотан, архипелаг Тисима (Курильские острова) и южную часть острова Карафуто (Сахалин)». В предложенном японской стороной проекте соглашения было записано: «1. На территориях Японии, оккупированных Союзом Советских Социалистических Республик в результате войны, в день вступления в силу настоящего Договора, будет полностью восстановлен суверенитет Японии. 2. Войска и государственные служащие Союза Советских Социалистических Республик, находящиеся в настоящее время на указанных в пункте 1 настоящей статьи территориях, должны быть выведены в возможно короткий срок, и во всяком случае, не позднее, чем по истечении 90 дней со дня вступления в силу настоящего Договора».

Однако вскоре в Токио поняли, что эта попытка коренным образом ревизовать итоги войны обречена на провал и приведет лишь к обострению двусторонних отношений с СССР. Это могло сорвать переговоры о репатриации осужденных японских военнопленных, достижение договоренности по вопросам рыболовства, заблокировать решение вопроса о принятии Японии в ООН. Поэтому японское правительство было готово для достижения соглашения ограничить свои территориальные претензии южной частью Курил, заявив, что она якобы не подпадает под действие Сан-Францисского мирного договора. Это было явно надуманное утверждение, ибо на японских картах довоенного и военного времени южнокурильские острова входили в географическое и административное понятие Тисима, то есть Курильскую гряду.

Стремясь получить поддержку этой новой позиции со стороны подписавших Сан-Францисский договор ведущих государств мира, в октябре 1955 г. японское правительство обратилось к правительствам США, Великобритании и Франции с дипломатическим запросом. Правительствам этих государств предлагалось ответить на вопрос: «Существует ли у вас понимание того, что в «Курильских островах», о которых говорится в Сан-Францисском договоре, не включаются острова Кунашир и Итуруп?» Поддержку своей позиции Япония получила только от Вашингтона. Великобритания и Франция в своих официальных ответах, по существу, отказались согласиться с ничем не обоснованным вариантом толкования мирного договора.

Выдвигая так называемый территориальный вопрос, японское правительство давало себе отчет в иллюзорности надежд на какие-либо серьезные компромиссы со стороны Советского Союза. Скорее всего, расчет был на то, чтобы использовать территориальные претензии как разменную карту для того, чтобы выторговать уступки СССР по другим спорным проблемам послевоенного урегулирования. Об этом, в частности, свидетельствовала полученная Мацумото секретная инструкция №16, которой он должен был придерживаться при обсуждении территориального вопроса. Инструкция предусматривала три этапа: «Сначала требовать передачи Японии Южного Сахалина и всех Курильских островов с расчетом на дальнейшее обсуждение; затем, несколько отступив, добиваться уступки Японии южных Курильских островов по «историческим причинам» и, наконец, настаивать как минимум на передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан, сделав это требование непременным условием успешного завершения переговоров».

О том, что конечной целью дипломатического торга были именно Хабомаи и Шикотан, неоднократно говорил сам японский премьер-министр. Так, во время беседы с советским представителем в январе 1955 г. Хатояма заявил, что «Япония будет настаивать во время переговоров на передаче ей островов Хабомаи и Шикотан». Ни о каких других территориях речи не было. Отвечая на упреки со стороны оппозиции, Хатояма подчеркивал, что нельзя смешивать вопрос о Хабомаи и Шикотане с вопросом обо всех Курильских островах и Южном Сахалине, который был решен Ялтинским соглашением. Премьер неоднократно давал понять, что Япония, по его мнению, не вправе требовать передачи ей всех Курил и Южного Сахалина, и что он ни в коей мере не рассматривает это как непременное предварительное условие для нормализации японо-советских отношений. Хатояма признавал, что, поскольку Япония отказалась от Курильских островов и Южного Са-

халина по Сан-Францисскому договору, у нее нет оснований требовать передачи ей этих территорий. Демонстрируя свое недовольство такой позицией Токио, правительство США отказалось в марте 1955 г. принять в Вашингтоне японского министра иностранных дел. Началось беспрецедентное давление на Хатояму и его сторонников с тем, чтобы воспрепятствовать японо-советскому урегулированию.

«Не поверил своим ушам...»

На переговорах в Лондоне незримо присутствовали американцы. Дело доходило до того, что чиновники Госдепартамента представляли руководство японского МИД знакомить их с советскими нотами, дипломатической перепиской, с докладами делегации и инструкциями Токио о тактике ведения переговоров. На это в доверительных беседах с советскими дипломатами сетовали японские переговорщики.

Советские участники переговоров сообщали из Лондона, что «С. Мацумото, члены и советники японской делегации давали понять, что территориальный вопрос, вопрос о международных обязательствах и военных союзах Японии, а также пункт проекта мирного договора о режиме прохода военных судов через японские проливы – все это были области, по которым Япония не могла принимать самостоятельных решений без согласования с США. Эти вопросы фактически были изъяты Соединенными Штатами из ведения правительства Японии».

Подобная «откровенность» японцев, с одной стороны, преследовала цель возложить ответственность за возможный срыв переговоров на американцев, а с другой – убедить советское правительство в том, что заключить мирный договор возможно лишь в условиях, которые будут устраивать не только японцев, но и американцев. В обстановке, когда провал переговоров еще больше толкнул бы Японию от СССР в сторону США, тогдашний руководитель Советского Союза Никита Хрущев вознамерился «органом прорыва», предложив компромиссное решение о линии прохождения границы. Стремясь вывести переговоры из тупика, он дал указание главе советской делегации предложить вариант, по которому Москва соглашалась передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, но только после подписания мирного договора.

Сообщение о готовности советского правительства на передачу Японии находящихся поблизости от Хоккайдо островов Хабомаи и Шикотан было сделано 9 августа 1955 г. в неофициальной обстановке в ходе беседы посла Малика с Мацумото в саду японского посольства в Лондоне. При этом не менее существенным было заявление советского посла о том, что «советская сторона не ставит условием нормализации советско-японских отношений и заключения мирного договора отказ Японии от ее обязательств, вытекающих из имеющихся у нее международных договоров». В переводе с дипломатического языка советское правительство соглашалось не связывать проблему заключения советско-японского мирного договора с союзническими отношениями Японии с США, в частности, с вопросом об использовании японских проливов американскими военными кораблями.

Столь серьезное изменение советской позиции весьма удивило японцев и даже вызвало растерянность. Как признавал впоследствии глава японской делегации Мацумото, когда он впервые услышал предложение советской стороны о готовности передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, то «сначала не поверил своим ушам», а «в душе очень обрадовался». И это неудивительно. Ведь как показано выше, возврат именно этих островов ставился в задачу японскому правительству. К тому же, получая Хабомаи и Шикотан, японцы на законных основаниях расширяли свою зону рыболовства, что было весьма важной целью нормализации японо-советских отношений.

Казалось, что после столь щедрой уступки переговоры должны были быстро завершиться успехом. Однако то, что было выгодно японцам, не устраивало американцев. США открыто воспротивились заключению между Японией и СССР мирного договора на предложенных советской стороной условиях. Оказывая сильное давление на кабинет Хатоямы, американское правительство не останавливалось перед прямыми угрозами. Госсекретарь США Джон Даллес в октябре 1955 г. в ноте правительству Японии предупреждал, что расширение экономических связей и нормализация отношений с СССР «может стать препятствием для осуществления программ помощи Японии, разрабатываемой правительством США». Одновременно он «строго-настрого наказал послу США в Японии Аллисону и его помощникам не допустить успешного завершения японо-советских переговоров».

Вопреки расчетам Хрущева, вывести переговоры из тупика не удалось. Линия премьер-министра Хатоямы на то, чтобы «сначала

прекратить состояние войны, а затем решать неурегулированные вопросы», встречала упорное сопротивление со стороны не только американцев, но и антисоветски настроенных сторонников бывшего премьера Есиды, которые, кроме всего прочего, вознамерились превратить так называемую территориальную проблему в средство политической борьбы за власть в стране. С другой стороны, несвоевременное и недостаточно обдуманное решение Хрущева пойти на территориальные уступки Японии привело к противоположному результату. Как это бывало и раньше в российско-японских отношениях, Токио воспринял предложенный компромисс не как щедрый жест доброй воли, а как сигнал для ужесточения предъявляемых Советскому Союзу территориальных требований.

Принципиальную оценку самовольных действий Хрущева дал один из членов советской делегации на лондонских переговорах академик РАН Сергей Тихвинский: «Я.А. Малик, остро переживая недовольство Хрущева медленным ходом переговоров, и не посоветовавшись с остальными членами делегации, преждевременно высказал в этой беседе с Мацумото имевшуюся у делегации с самого начала переговоров утвержденную Политбюро ЦК КПСС (т.е. самим Н.С. Хрущевым) запасную позицию, не исчерпав до конца на переговорах защиту основной позиции. Его заявление вызвало сперва недоумение, а затем радость и дальнейшие непомерные требования со стороны японской делегации... Решение Н.С. Хрущева отказаться в пользу Японии от суверенитета над частью Курильских островов было необдуманным, волюнтаристическим актом... Уступка Японии части советской территории, на которую без разрешения Верховного Совета СССР и советского народа пошел Хрущев, разрушала международно-правовую основу ялтинских и потсдамских договоренностей и противоречила Сан-Францисскому мирному договору, в котором был зафиксирован отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов...»

Свидетельством того, что японцы решили дожидаться дополнительных территориальных уступок от советского правительства, было прекращение лондонских переговоров.

С января 1956 г. начался второй этап лондонских переговоров, который из-за обструкции правительства США также не привел к какому-либо результату. 20 марта глава японской делегации был отозван в Токио и к удовлетворению американцев переговоры практически прекратились. Посол Мацумото при отъезде, желая смягчить сложившуюся ситуацию и, возможно, объяснить свое отбытие из Лондона не столько неуступчивостью Токио, сколько давлением извне, говорил на заключительном заседании: «...Стороны имеют большие успехи, что видно из того факта, что десять статей проекта мирного договора уже полностью согласованы. Стороны почти полностью пришли к общей точке зрения и по статье о торговле и мореплавании: за исключением нескольких уточнений. В целом же и эту статью можно считать согласованной. В связи с тем, что переговоры вступили в нынешнюю стадию, он, Мацумото, получил от своего правительства указание временно выехать в Токио для доклада правительству о ходе переговоров и получения новых инструкций по их дальнейшему ведению». Столь вежливое и доброжелательное по форме объяснение мотивов прекращения переговоров не могло, конечно, прикрасить подлинную причину их срыва, которая состояла в невозможности для японского правительства самостоятельно, без вмешательства США, решать внешнеполитические вопросы.

Сам Мацумото остро переживал неспособность японской дипломатии действовать в интересах своей страны, а не заокеанского союзника. В своей критике японского МИД он призывал реально оценивать происшедшие в мире изменения, отбросить обветшалые стереотипы. «Те, кто не любит Советский Союз, не освободились еще от своих впечатлений о нем времен Сталина. Нынешний Советский Союз представляет собой мощную индустриальную державу, обладающую современными видами вооружения, включая водородную бомбу и реактивные самолеты. С точки зрения национальной мощи он занимает, по крайней мере, второе место в мире. Совершенно не желая считаться с этими фактами, эти люди строят свои умозаключения исходя из того, каким был Советский Союз двадцать лет назад... Я думаю, что именно здесь лежит корень всех ошибок японской дипломатии», — заявлял Мацумото.

Рыболовный козырь Москвы

В Москве внимательно анализировали ситуацию и своими действиями стремились подталкивать японское руководство к пониманию насущной необходимости скорейшего урегулирования с Советским Союзом, даже вопреки позиции США. Вывести переговоры из тупика помогли переговоры в Москве о рыболовстве в северо-западной части Тихого океана. 21 марта 1956 г. было опубликовано постановление Совета Министров СССР «Об охране за-

пасов и регулировании промысла лососевых в открытом море в районах, смежных с территориальными водами СССР на Дальнем Востоке». Объявлялось, что в период нереста лососевых ограничивался их вылов как для советских, так и иностранных организаций и граждан. Это постановление вызвало в Японии переполох. В отсутствие дипломатических отношений с СССР было весьма трудно получать установленные советской стороной лицензии на лов лососевых и согласовывать объемы вылова. Влиятельные рыбопромышленные круги страны потребовали от правительства скорейшего разрешения возникшей проблемы, а именно, до окончания путины. Не полагаясь на правительство, владельцы некоторых рыболовческих компаний стремились самостоятельно вступать в контакты с советскими представителями для достижения договоренности по условиям лова. Многие из них активно включились в движение общественности за скорейшее урегулирование отношений с Советским Союзом, в том числе в области рыболовства. Состоявшийся в апреле Всеяпонский съезд рыбаков принял специальную резолюцию с требованием скорейшего восстановления отношений с СССР и заключения конвенции по рыболовству.

В те годы в рыболовной отрасли было занято около 1 млн японцев. К тому же из-за введенных США и Канадой запретных для лова зон в открытом море именно северо-западная часть Тихого океана стала основным районом труда японских рыбаков. Опасаясь роста недовольства в стране затягиванием вопроса о восстановлении дипломатических и торгово-экономических отношений с СССР, японское правительство в конце апреля срочно направило в Москву министра рыболовства, сельского и лесного хозяйства Итиро Коно, которому надлежало на переговорах с советским правительством добиться понимания возникших для Японии трудностей. В Москве Коно вел переговоры с первыми лицами государства и занимал конструктивную позицию, что позволило довольно быстро прийти к согласию. 14 мая была подписана двусторонняя Конвенция о рыболовстве и Соглашение по оказанию помощи людям, терпящим бедствие на море. Однако документы вступали в силу лишь в день восстановления дипломатических отношений. Это потребовало от японского правительства решения о скорейшем возобновлении переговоров о заключении мирного договора. Коно по своей инициативе предложил советским руководителям вернуть делегации двух стран за стол переговоров.

Новый раунд переговоров проходил в Москве. Японскую делегацию возглавил министр иностранных дел Сигэмицу, который вновь стал убеждать собеседников в «жизненной необходимости для Японии» островов Кунашир и Итуруп. Однако советская сторона твердо отказалась вести переговоры по поводу этих территорий. Так как эскалация напряженности на переговорах могла привести к отказу советского правительства и от ранее сделанных обещания по поводу Хабомаи и Шикотана, Сигэмицу стал склоняться к прекращению бесплодной дискуссии и подписанию мирного договора на предложенных Хрущевым условиях. 12 августа министр сообщил в Токио, что «переговоры уже пришли к концу. Дискуссии исчерпаны. Все, что можно было сделать, — сделано. Необходимо определить нашу линию поведения. Дальнейшая оттяжка способна лишь больно ударить по нашему престижу и поставить нас в неудобное положение. Не исключено, что вопрос о передаче нам Хабомаи и Шикотана будет поставлен под сомнение».

Шантаж Даллеса

И вновь грубо вмешались американцы. В конце августа, не скрывая своего намерения сорвать советско-японские переговоры, Даллес пригрозил японскому правительству, что в случае, если по мирному договору с СССР Япония согласится признать советскими Кунашир и Итуруп, США навечно сохранят за собой остров Окинаву и весь архипелаг Рюкю. Для того чтобы поощрить японское правительство продолжать выдвигание неприемлемых для Советского Союза требований, США пошли на прямое нарушение Ялтинского соглашения. 7 сентября 1956 г. Госдепартамент направил правительству Японии меморандум, в котором заявил, что США не признают никакого решения, подтверждающего суверенитет СССР над территориями, от которых Япония отказалась по мирному договору. Играя на националистических чувствах японцев и пытаясь представить себя чуть ли не защитниками государственных интересов Японии, чиновники Госдепартамента США изобрели следующую формулировку: «Правительство США пришло к заключению, что острова Итуруп и Кунашир (наряду с островами Хабомаи и Шикотан, которые являются

частью Хоккайдо) всегда были частью Японии и должны по справедливости рассматриваться как принадлежащие Японии». Далее в ноте говорилось: «США рассматривали Ялтинское соглашение просто как декларацию об общих целях стран-участниц Ялтинского совещания, а не как имеющее законную силу окончательное решение этих держав по территориальным вопросам». Смысл этой «новой» позиции США состоял в том, что Сан-Францисский договор якобы оставил открытым территориальный вопрос, «не определив принадлежность территорий, от которых Япония отказалась». Тем самым под сомнение ставились права СССР не только на Южные Курилы, но и на Южные Сахалин и все Курильские острова. Это было прямое нарушение Ялтинского соглашения. Столь беспринципное поведение Госдепартамента США было продиктовано стремлением во что бы то ни стало не допустить нормализации и последующего развития японо-советских отношений, сохранить Японию в качестве «бастиона антикоммунизма на Дальнем Востоке».

Открытое вмешательство США в ход переговоров Японии с Советским Союзом, попытки угроз и шантажа японского правительства вызвали протесты как оппозиционных сил страны, так и ведущих средств массовой информации. При этом критика звучала не только в адрес США, но и собственного политического руководства, которое безропотно следует указаниям Вашингтона. Однако зависимость, в первую очередь экономическая, от США была настолько велика, что японскому правительству было весьма трудно идти наперекор американцам. Тогда всю ответственность взял на себя премьер-министр Хатояма, который считал, что японо-советские отношения могут быть урегулированы на основе заключения мирного договора с последующим решением территориального вопроса. Несмотря на болезнь, он решил отправиться в Москву и подписать документ о нормализации японо-советских отношений. Для того чтобы успокоить своих политических оппонентов по правящей партии, Хатояма пообещал после выполнения своей миссии в СССР оставить пост премьер-министра. 11 сентября Хатояма направил на имя председателя Совета Министров СССР письмо, в котором заявил о готовности продолжить переговоры о нормализации отношений с условием, что территориальный вопрос будет обсужден позднее. 2 октября 1956 г. кабинет министров санкционировал поездку в Москву японской правительственной делегации во главе с премьер-министром Хатоямой. В делегацию были включены И. Коно и С. Мацумото.

И все же жесткое давление со стороны США и антисоветских кругов в Японии не позволило добиться поставленной цели — заключить полномасштабный советско-японский мирный договор. К удовлетворению Госдепартамента США правительство Японии ради прекращения состояния войны и восстановления дипломатических отношений согласилось подписать не договор, а советско-японскую совместную декларацию. Это решение было для обеих сторон вынужденным, ибо японские политики, оглядываясь на США, до последнего настаивали на передаче Японии, кроме Хабомаи и Шикотана, еще и Кунашира и Итуруп, а советское правительство решительно отвергло эти притязания. Об этом свидетельствуют, в частности, интенсивные переговоры Хрущева с министром Коно, которые продолжались буквально до дня подписания декларации.

Как уже отмечалось, предложение о передаче Японии Хабомаи и Шикотана было сделано по личному указанию Хрущева, который, однако, считал это большой уступкой Японии. В ходе состоявшихся 16, 17 и 18 октября 1956 г. бесед Хрущева с прибывшим в составе японской делегации министром рыболовства, сельского и лесного хозяйства Коно выяснилось, что японская сторона желала получить острова Хабомаи и Шикотан «немедленно, не связывая это с другими вопросами». То есть речь шла о том, чтобы СССР возвратил эти два острова безотнositельно к вопросу о заключении мирного договора, а затем стороны обсуждали бы проблему принадлежности других Курильских островов. Хрущев же считал, что «передача Хабомаи и Шикотана представляет собой окончательное решение территориального вопроса». При этом он решительно отверг попытки выторговать у СССР другие территории. Хрущев заявил Коно 16 октября: «Японская сторона хочет получить Хабомаи и Шикотан без заключения мирного договора и решить впоследствии какие-то другие, неизвестные нам, территориальные вопросы, которых в действительности не существует. Советское правительство хочет как можно скорее договориться с Японией, и оно не использует территориальный вопрос для торга. Но я должен еще раз совершенно определенно и категорически заявить, что никаких претензий Японии по территориальному вопросу, кроме Хабомаи и Шикотан, мы принимать не будем и отказываемся обсуждать какие бы то ни было предложения в этом от-

ношении... Мы не можем и не пойдем ни на какие дальнейшие уступки. Хабомаи и Шикотан можно было бы передать Японии по мирному договору, но с передачей указанных островов территориальный вопрос целиком и полностью следует считать разрешенным».

Хрущевский «блин комом»

Хрущев не скрывал своего намерения использовать нормализацию советско-японских отношений для внесения противоречий между Токио и Вашингтоном, в частности, по территориальному вопросу, и по возможности для ослабления американского влияния на политику Японии. С этой целью он настаивал на том, чтобы передача островов Хабомаи и Шикотан «последовала после заключения мирного договора и после того, как США передадут Японии Окинаву и другие исконно японские территории, которые захвачены США». Советский лидер убеждал собеседника: «Г-н Коно должен понять, что наше предложение дает фактическое и юридическое право Японии вести борьбу за возвращение Окинавы и других территорий. Я знаю, что в Японии есть проамериканская группа, которая недовольна нашими переговорами, но с этим можно и не считаться. Главное заключается в том, что в итоге решения вопроса по нашему варианту Япония получит возможность оказать сильное давление на США. Имейте в виду, что без борьбы вам не вернуть ваших территорий, находящихся в руках американцев».

Отвечая на вопрос Коно, «согласно ли Советское правительство вернуть Кунашир и Итуруп, если Соединенные Штаты уйдут с Окинавы», Хрущев заявил: «Кунашир и Итуруп здесь совершенно ни при чем, вопрос о них давно решен. Экономически эти территории не имеют никакого значения. Наоборот, они нам приносят сплошной убыток и ложатся тяжелым бременем на бюджет. Но тут играют решающую роль соображения престижа страны, а также стратегическая сторона дела».

Разгадав намерение Хрущева разыграть «американскую карту» и опасаясь бурной реакции США, Коно высказал настоятельную просьбу удалить из представленного советской стороной проекта соглашения упоминание о передаче Соединенными Штатами Японии островов Окинава. В конце концов Хрущев был вынужден с этим согласиться.

На беседе с Хрущевым 18 октября Коно предложил следующий вариант соглашения: «Япония и СССР согласились на продолжение после установления нормальных дипломатических отношений между Японией и СССР переговоров о заключении Мирного Договора, включающего территориальный вопрос».

При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, согласился передать Японии острова Хабомаи и Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Японией и СССР». Хрущев заявил, что советская сторона, в общем, согласна с предложенным вариантом, но просит исключить выражение «включающего территориальный вопрос». Как бы в качестве компенсации он сообщил о согласии снять ту часть советского проекта, где говорилось о передаче Японии Окинавы и других территорий. Просьбу снять упоминание «территориального вопроса» Хрущев объяснил следующим образом: «...Если оставить указанное выражение, то можно подумать, что между Японией и Советским Союзом, кроме Хабомаи и Шикотана, есть еще какой-то территориальный вопрос. Это может привести к кривотолкам и неправильному пониманию документов, которые мы намерены подписать». Хотя Хрущев называл свою просьбу «замечанием чисто редакционного характера», в действительности речь шла о принципиальном вопросе, а именно о фактическом согласии Японии с тем, что территориальная проблема будет ограничена вопросом о принадлежности только островов Хабомаи и Шикотан. На следующий день, 18 октября, Коно сообщил Хрущеву: «После консультации с премьер-министром Хатояма Итиро мы решили принять предложение г-на Хрущева об исключении слов «включающего территориальный вопрос». В результате 19 октября 1956 г. была подписана Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии, в 9-м пункте которой СССР соглашался на «передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией».

27 ноября Совместная декларация единогласно была ратифицирована палатой представителей японского парламента, а 2 декабря — при 3 против, палатой советников. 8 декабря ратификацию Совместной декларации и других документов утвердил император Японии. В тот же день она была ратифицирована Президиумом

Верховного Совета СССР. Затем 12 декабря 1956 г. в Токио состоялась церемония обмена грамотами, что означало вступление Совместной декларации и прилагаемого к ней протокола в силу.

Однако США в ультимативной форме потребовали отказаться от заключения советско-японского мирного договора на условиях Совместной декларации. После отставки кабинета Хатоямы новый кабинет министров Японии возглавил Тандзан Исисаби, а спустя три месяца его сменил проамерикански настроенный Нобусукэ Киси (кстати, дед нынешнего премьер-министра Японии Синдзо Абэ). Сначала он заявлял в парламенте о намерении заключить мирный договор с СССР, но затем, уступая давлению США, стал уходить от переговоров по этому вопросу. Для «основания» этой позиции вновь были выдвинуты требования вернуть Японии четыре южнокурильских острова. Это был явный отход от положений Совместной декларации. Советское же правительство действовало в строгом соответствии с достигнутыми договоренностями. СССР отказался от получения репараций с Японии, согласился досрочно освободить отбывавших наказание японских военных преступников, поддержал просьбу Японии о приеме в ООН.

Однако японское правительство не оценило обхаживание Хрущевым Токио, усмотрев в его уступках стремление «оторвать Японию от США и сблизить ее с СССР». Свидетельством политической наивности этого хрущевского «плана» явилось дальнейшее вовлечение Японии в военную стратегию США на Дальнем Востоке. Заключение в 1960 г. направленного против СССР и Китайской Народной Республики обновленного японо-американского Договора безопасности еще более осложнило разрешение вопроса о линии прохождения границы между Японией и СССР, ибо в сложившейся военно-политической обстановке холодной войны любые территориальные уступки Японии способствовали бы расширению территории, используемой иностранными войсками.

Укрепление военного сотрудничества Японии с США было весьма болезненно воспринято лично Хрущевым. Он был возмущен действиями Токио, расценил их как оскорбление, неуважение его усилий, направленных на нахождение компромисса по территориальному вопросу. Реакция советского лидера была бурной. По его указанию МИД СССР 27 января 1960 г. направил правительству Японии памятную записку, в которой указал, что «только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Шикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 года». На это Токио ответил: «Правительство Японии не может одобрить позицию Советского Союза, выдвинувшего новые условия осуществления положений Совместной декларации по территориальному вопросу и пытающегося тем самым изменить содержание декларации. Наша страна будет неотступно добиваться возвращения нам не только островов Хабомаи и о-ва Шикотан, но также и других исконных японских территорий».

Просроченный продукт холодной войны

Отношение японской стороны к Совместной декларации 1956 г. сводится к следующему: «В ходе переговоров о заключении мирного договора между Японией и Советским Союзом в октябре 1956 года высшие руководители обоих государств подписали Совместную декларацию Японии и СССР, по которой стороны договорились продолжить переговоры о мирном договоре и нормализовали межгосударственные отношения. Несмотря на то, что в результате этих переговоров Советский Союз согласился «передать Японии группу островов Хабомаи и остров Шикотан», на возвращение острова Кунашир и острова Итуруп согласия СССР получено не было».

Совместная декларация Японии и Советского Союза 1956 года представляет собой важный дипломатический документ, который был ратифицирован парламентами каждого из этих государств. Этот документ равен по своей юридической силе договору. Она не является документом, содержание которого можно было бы изменить только одним уведомлением. В Совместной декларации Японии и СССР было ясно записано, что Советский Союз «соглашается передать Японии группу островов Хабомаи и остров Шикотан», и эта передача не сопровождалась никакими условиями, которые бы представляли собой оговорку...»

С подобной трактовкой смысла Совместной декларации можно было бы согласиться, если бы не одно важное «но». Японская сторона не желает признавать очевидное — указанные острова по соглашению могли стать объектом передачи только после заключения мирного договора. И это являлось главным и непреклонным условием. В Японии же почему-то решили, что вопрос о Хабомаи и Шикотане уже решен, а для подписания мирного договора яко-

бы надо решить еще и вопрос о Кунашире и Итурупе, на передачу которых советское правительство никогда не соглашалось. Именно такая противоречивая содержание Совместной декларации позиция и является новым дополнительным условием Токио, о недопустимости выдвижения которого справедливо заявляло советское правительство. Эта позиция была изобретена в 50–60-е гг. теми силами, которые задались целью, выдвигая заведомо неприемлемые для Москвы условия, на долгие годы заблокировать процесс заключения японо-советского мирного договора и всестороннего развития отношений.

Для оправдания нежелания окончательно урегулировать двусторонние отношения японское правительство поощряло нагнетание в стране антисоветских настроений, открыто обвиняло СССР в «захвате исконно японских земель». Из средств государственного бюджета и «пожертвований» крупного бизнеса формировался фонд для финансирования шумной кампании «за возвращение северных территорий», под которыми понимались находящиеся в составе Советского Союза южнокурильские острова — Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан. Началась «картографическая агрессия» — на всех географических картах Японии, включая школьные, эти острова, а подчас и все Курилы до Камчатки, стали закрашиваться в цвет японской территории. При этом Южный Сахалин оставался незакрашенным как якобы «спорная территория». О том, что претензии на южнокурильские острова лишь первый шаг, свидетельствовало опубликованное в октябре 1961 г. так называемое «единое мнение» правящей Либерально-демократической партии. В этом документе утверждалось, что «острова Хабомаи и Шикотан являются частью Хоккайдо», острова Кунашир и Итуруп принадлежат Японии, а «вопрос о Южном Сахалине и северных Курильских островах должна решать международная конференция заинтересованных стран».

Характеризуя избранную официальным Токио политику в отношении СССР, профессор Калифорнийского университета этнический японец Цусэгава отмечает: «Изменения, которые наступили в годы холодной войны, произошли не в советско-японских отношениях, они произошли в отношениях США и СССР, когда союзники в годы войны стали врагами, а США и Япония, которые были врагами во время войны, стали союзниками... Цель США состояла в том, чтобы вовлечь Японию в свою глобальную стратегию... США стремились избежать антиамериканизма и национализма... Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза. Фактически после восстановления дипломатических отношений с Москвой, можно сказать, у Токио не было внешней политики на советском направлении — только «политика северных территорий»... Проблема северных территорий выполняла роль клапана для сглаживания пара в международных отношениях на Дальнем Востоке. С этой точки зрения было важно, чтобы территориальный спор оставался нерешенным. Отсюда жесткая позиция Японии с требованиями немедленного возвращения всех островов и отказ обсуждать предложения о передаче части территорий».

И поныне придерживающиеся этой позиции японские правонационалистические силы сохраняют немалое влияние. Они всячески препятствуют попыткам разрешить существующие противоречия, требуют продолжать жестко уязвлять экономическое сотрудничество с нашей страной с удовлетворением необоснованных территориальных претензий, в основе которых реваншизм, непризнание итогов Второй мировой войны.

Прошедшие в сентябре текущего года во Владивостоке российско-японские переговоры на высшем уровне, выступления лидеров двух стран на пленарном заседании Восточного экономического форума породили известную эйфорию по поводу будущего российско-японского сотрудничества. Заговорили даже о создании после форума некоей «новой архитектуры в Азии». При этом важно учитывать, что заметное стремление к большей независимости и самостоятельности японской элиты не означает ослабления тесных связей с США во всех областях — политической, экономической, военной, идеологической и других. Можно не сомневаться, что Вашингтон будет контролировать заявленное Синдзо Абэ сближение Японии с Россией, соизмеряя его со своими интересами. И в этом нынешняя ситуация весьма напоминает обстановку переговоров 1955–1956 годов. Достаточно видеть, как президент США Барак Обама пытался «вставить палки в колеса», не выпуская Японию из орбиты политики санкций, запрещать своему союзнику даже встречаться с российским руководством. Едва ли окончательное японо-российское урегулирование будет по нраву и новой администрации США во главе с Дональдом Трампом. Удастся ли националисту Абэ преодолеть подобное давление заокеанского сюзерена — большой вопрос.